

Скворцов Иван Сергеевич

ПРОБЛЕМА "ОПЫТА" В ТЕОРИИ ИСТОРИИ Ф. Р. АНКЕРСМИТА

Статья посвящена проблемному полю художественно-исторического опыта - краеугольному понятию в концепции интеллектуального эмпиризма нидерландского историка и теоретика гуманитарного мышления Ф. Р. Анкерсмита. Актуальность данной темы вызвана тем, что в настоящее время наблюдается возросший интерес к исследованию проблем эмпирического познания в гуманитарных науках. В статье формулируются причины обращения к "интеллектуальному эмпиризму", рассматриваются формы исторического опыта и их познавательный потенциал, проводится сравнительный анализ нарратива и исторического опыта как "проводников" в ушедшую реальность прошлого.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/7-2/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. II. С. 158-161. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1(091)

Философские науки

Статья посвящена проблемному полю художественно-исторического опыта – краеугольному понятию в концепции интеллектуального эмпиризма нидерландского историка и теоретика гуманитарного мышления Ф. Р. Анкерсмита. Актуальность данной темы вызвана тем, что в настоящее время наблюдается возросший интерес к исследованию проблем эмпирического познания в гуманитарных науках. В статье формулируются причины обращения к «интеллектуальному эмпиризму», рассматриваются формы исторического опыта и их познавательный потенциал, проводится сравнительный анализ нарратива и исторического опыта как «проводников» в ушедшую реальность прошлого.

Ключевые слова и фразы: исторический опыт; субъективный исторический опыт; Анкерсмит; нарративная история; современное историческое знание.

Скворцов Иван Сергеевич*Московский педагогический государственный университет**ivan-skvor@yandex.ru***ПРОБЛЕМА «ОПЫТА» В ТЕОРИИ ИСТОРИИ Ф. Р. АНКЕРСМИТА[©]**

В настоящее время среди многочисленных работ, посвященных «традиционным» вопросам исторической эпистемологии, которая понимает интерпретацию прошлого через исторический нарратив, все чаще начинают встречаться исследования, затрагивающие проблемы исторического опыта и непосредственного, «внетекстового» познания. Подобный исследовательский интерес не случаен. Во-первых, он обусловлен тем, что методологическая картина современного исторического знания становится все более мозаичной и предполагает внеконфликтное существование различных стилей описания и интерпретации истории, что вызвано отсутствием какой-либо масштабной методологической «перспективы» развития исторической науки, а также связанной с ней той или иной моды на определенные способы историописания, и модой на проблемы, заданные методологическим контекстом. Во-вторых, очень важно уяснить историческую подоплеку подобного интереса. Веками историческое знание имело для человека глубокий смысл. Неразрывно связанное с исторической памятью, оно создавало необходимую интеллектуальную основу психологического комфорта человека в его настоящем и обосновывало его устремления в будущее. Концепции же истории, испытывавшие влияние идеологии постмодерна, а именно они доминировали в интеллектуальной истории в последней трети XX века, по существу формулировали взгляд на историю как на «игры ума», сводили историческое исследование к анализу языка и текста, лишая тем самым ее, как ни парадоксально, исторического содержания и экзистенциальной внятности. Все это вызвало новый интерес у современных исследователей к психологической и эмпирической подоплеке исторического познания. В настоящее время наиболее оригинальную и развернутую концепцию исторического познания, базирующуюся на понятии художественно-исторического опыта, предложил нидерландский исследователь гуманитарного мышления и эпистемолог Ф. Р. Анкерсмит (род. 1945)¹.

Взгляд на историческое знание как на знание, к которому приложимо понятие опыта, также как эмпирический характер любых других гуманитарных наук, становится источником обсуждений и размышлений, которые служат началом новых философских концепций. Глубокая дискуссионность данной проблемы особенно характерна для российского поля гуманитарных наук, где в сфере теории исторического знания до сих пор бытуют интеллектуальные клише, во многом базирующиеся на идеях сциентизма рубежа XIX–XX веков, в традиции которого рассматривать сферу опыта однозначно, а именно только в естественнонаучном контексте. На вопрос о возможности эмпирического познания в «науках о духе» до сих пор часто дают отрицательный ответ именно по причине крайне «суженного» понимания природы опыта. Исходя из этого, главные трудности для историка определяются тем, как трактовать эмпирический опыт, дарующий учёному смысл и *подступ* к несуществующей уже реальности прошлого времени и возможно ли некое концептуальное единство прошедшей и настоящей реальности?

Считается, что расстояние между будущим и прошлым, а также процесс осмысления ушедшего времени – это некая интеллектуальная преграда, разрушить которую могут некоторые исследовательские методы. Так, еще в конце XIX века В. Дильтей сформулировал способ «понимания» истории, где личностный опыт историка служит инструментом для постижения смысла устройства прошлого [5, с. 84]. Также в этой связи необходимо отметить концепцию «иерархии ценностей» у неокантианцев. Однако способ, предложенный Дильтеем, особенно показателен, так как он противопоставляет опыт в «науках о духе» и опыт в позитивистском понимании, а также конституирует опыт как основополагающий фактор «понимания», которое является универсальным инструментом познания в исторической и психологической науках. Исходя из этого, можно заключить, что

[©]Скворцов И. С., 2015

¹ Весьма показательно то, что Анкерсмит являлся одним из крупнейших представителей «лингвистического трансцендентализма», основные позиции которого в настоящее время им самим же и опровергаются. Все это свидетельствует о масштабности и незавершенности процесса разработки проблемного поля эмпирического познания в современной гуманитаристике.

на первый взгляд идеи Анкерсмита отнюдь не новы и не революционны. Действительно, в определенной степени его идеи являются успешной актуализацией старого подхода применительно к проблемному полю современной интеллектуальной истории в ситуации деконструкции «лингвистического трансцендентализма».

В своем программном исследовании «Возвышенный исторический опыт», которое представляет собой в настоящий момент наиболее полную и оригинальную концепцию «интеллектуального эмпиризма», Анкерсмит полагает, что главное то, как мы *чувствуем* прошлое, а не то, что мы о нём *знаем* из сложившихся дисциплинарных догм: «Тот “рационализм”, который “теория” позаимствовала из трансценденталистской философии языка, будет отвергнут здесь ради понятия опыта. Интеллектуальную бюрократию “теории” сменит “романтизм” такого подхода к прошлому, который полностью захватывает личность историка, а не только (и даже не в первую очередь) формальную сторону его или ее познавательных способностей. Говоря более конкретно, эта книга является реабилитацией романтического мира чувств и настроений, определяющих наше отношение к прошлому. То, как мы чувствуем прошлое, не менее, а, возможно, даже более важно, чем то, что мы о нем знаем» [1, с. 31].

Это является следствием того, что, по мнению Анкерсмита, так называемый «лингвистический трансцендентализм», выражающийся в особом внимании учёных к «языку исследования» и нарративу, приносит только вред процессу познания в гуманитарных науках. Согласно философу, таким образом затрудняется понимание истинной природы исторического повествования и меняется взгляд на место историка в процессе познания истории. Уверенность в том, что с реальностью можно соприкоснуться только через язык, превратило многих философов в слепцов относительно настоящих проблем, с которыми ежедневно сталкивается историк, ищущий подступ к прошлому. Анкерсмит уверен, что, безусловно, связность нарратива обеспечивает самый лёгкий путь к прошлому, но при этом теряется ощущение аутентичности и «причастности» к нему. Иными словами, познание при помощи нарратива отрезает доступ к исторической реальности в ее личной обусловленности: «Если роль субъекта будет незначительной или даже призрачной – как это было в философии, языке и культуре до недавнего времени, – тогда вся победа достанется “теории”, а для опыта игра будет проиграна. Тогда мы окажемся в постструктуралистском мире, где “язык говорит человеком”, где субъект, или автор, в лучшем случае – только атрибуты языка» [Там же, с. 20]. Задумаемся над следующей идеей: если историю следует понимать только как текстовую репрезентацию, мы бы никогда не ощутили «пропасть» между настоящим и минувшим; история, таким образом, лишилась бы своего «экзистенциального» содержания, а ведь именно этот «опыт разрыва», будучи следствием личностного переживания истории, и является основой любого исторического текста. И если понимать историю только как рассказ, то нет никакого смысла раз за разом пересказывать этот рассказ вновь и вновь, искать новые ветви повествования и действующих лиц, что является необходимым для историка. Сама бы история в таком случае превратилась бы лишь в список вопросов, на которые уже даны репрезентативные ответы. Из этого можно заключить, что существование самого исторического письма, как это ни парадоксально звучит, служит доказательством того, что источником любого рассказа о прошлом является нечто, что находится вне языка, прежде всего – реальное соприкосновение с прошлым.

Для того чтобы понять, что такое опыт «реальности» прошлого, по мнению Анкерсмита, нужно вычеркнуть из процесса познания все проявления упомянутой уже «трансценденталистской бюрократии», которую философ считал вредной и в высшей мере бесполезной; важно «проломиться сквозь стены “языковой тюрьмы”» [Там же, с. 23]. Историк необходимо избежать «тюрьмы языка», избавившись от того негативного влияния нарратива, которое определяет до сих пор понимание истории и который закрывает путь к ее подлинности. В этой ситуации исследователь должен вступать в «свои» собственные отношения с прошлым, а не пользоваться *подобием* этих отношений, определяемых языком и сложившейся историографической традицией. *Именно опыт прошлого содержит реальность прошлого.*

Сложность процесса понимания истории, по Анкерсмицу, заключается в том, что когда историк пытается открыть нечто новое в прошлом, «объективность» репрезентаций прошлого является скорее вредом, чем благом. У каждого человека есть «собственное» прошлое (в данном случае имеется в виду индивидуальное его ощущение и оценка). Однако если прошлое утрачивает целостность и распадается на фрагменты, для исследователя необходимо сформулировать особый способ познания, которым пользуется познающий субъект, и «закрепить» положение субъекта в познавательном процессе. Этим способом выступает именно эмпирический опыт. Подобным выводом голландский исследователь как бы возвращается к постулатам американского прагматизма, например, к работам Дж. Дьюи, в которых опыт описывается как единственная начальная и конечная инстанция истины, находящаяся до понятий «субъект» и «объект» [4, с. 139]. Собственно, сам Анкерсмит свою эпистемологию формулирует как «концепцию интеллектуального эмпиризма», в которой особо подчеркивается то, что она «...защищает крайний вариант эмпиризма в том смысле, что требует предоставить опыту гораздо более значительную роль, чем ему позволяла традиция» [1, с. 28].

Необходимо заметить, что в историческом знании взаимодействие между субъектом познания и опытом отличаются от того, как эти понятия взаимодействуют в других науках. Естественные науки предполагают опыт лишь в качестве средства познания мира, гуманитарное же знание определяет опыт как путеводитель в мир и жизнь человека. Естественные науки радикально разводят опыт и сознательный анализ его результатов. Опыт в данных науках предстаёт перед исследователем неким «сырьём» для работы разума. В исторической же науке разум может быть частью опыта, даже если он работает с информацией, полученной посредством самого опыта: «...если в естественных науках опыт прочно привязан к субъекту или к объекту, то в истории он может свободно путешествовать между ними и располагать субъекта и объект там, где ему нравится» [Там же, с. 318]. Таким

образом, история не задаёт чётких границ субъекта и объекта, поэтому нельзя сказать, где заканчивается один и начинается второй. Нельзя определить, что чему принадлежит, и, согласно Анкерсмицу, ни один человек не может точно сказать, где кончается его прошлое и начинается «он сам».

По существу, проблема опыта выступает здесь как основание гораздо более масштабного явления – формулирования оригинальной концепции сознания. Ведь если задуматься над взаимосвязью таких базовых понятий как «нарратив», «сознание» и «опыт», то можно заметить, что опыт является первоосновой сознания, и только потом он воплощается в языке. В своем основном труде «Возвышенный исторический опыт» Анкерсмит выстраивает новаторскую концепцию эмпирического познания и конституирует три вида опыта, соответственно «Объективный», «Возвышенный» и «Субъективный». Первый заключается в том, как люди прошлого воспринимали своё бытие. Такой опыт может быть получен из газет, книг и других источников, созданных непосредственными очевидцами и участниками исторических событий. «Субъективный» опыт является слиянием настоящего и прошлого и выражается в личном опыте исследователя в противопоставлении «объективному» опыту как опыту непосредственного участника исследуемых событий. «Субъективный» вид опыта имеет прямые отсылки к понятию «экстасиса», сформулированному Й. Хейзингой – ощущению, возникающему при взаимодействии с элементом истории, к примеру, письмом, картиной, музыкой или иным творением прошлой эпохи. Хейзинга отмечал, что такое ощущение не является следствием мысли, так как появляется до того момента, как историк успеет начать процесс познания [8, с. 135-137]. Субъективный опыт можно назвать неким «вторжением из прошлого», которое происходит прямо в сознание и разум учёного в неопределённые моменты и неожиданно для исследователя. Такой вид опыта возникает тогда, когда какой-либо артефакт прошлого позволяет ощутить историку трагичность дистанции между прошлым и настоящим, найти в этом фрагменте ушедшей реальности что-то только ему близкое, понятное и ностальгическое: «...этот опыт уничтожил барьеры, отделяющие меня от конца XVIII столетия, когда была создана картина, и вызвал во мне парадоксальное чувство узнавания того, что мне было каким-то образом всегда известно, но оказалось позабыто, и породил ощущение столкновения с чем-то для меня странным и чуждым» [1, с. 382].

Основное внимание Анкерсмит сосредоточивает на концептуализации «Возвышенного» опыта, наиболее сложного для понимания. «Возвышенный» опыт, согласно Анкерсмицу – это синтетическая форма предыдущих двух выведенных им категорий опыта, которая воплощается в формах художественного искусства. Возвышенный опыт – это не осмысление дистанции между настоящим и прошлым, даже наличие самой дистанции отнюдь не обязательно, так как «...дистанция или различие между прошлым и настоящим является здесь частью обсуждаемого опыта» [Там же, с. 368]. В то же время, прошлое становится реальным только благодаря историческому опыту и только через его участие: «...(возвышенный) исторический опыт – это непосредственное соприкосновение не только с прошлым в его квазиоуменальном виде, но еще и с аурой утраченного нами мира» [Там же].

В заключение можно сказать, что за последние двадцать лет в теории истории произошел сдвиг исключительного значения. Если на протяжении пятидесяти лет историческое знание определяли структуралистские методы, и, как следствие, история развивалась как историописание, то сейчас явно заметен поворот к «эксистенциальному», опытному, лично ориентированному пониманию истории. Идеи «философии жизни» и философской герменевтики снова стали актуальными; процесс становления «постметафизической» картины истории еще не завершен, и наша задача находится в центре проблематики, которую он осмысляет, а не на периферии. Мы наблюдаем становление исторического мышления вне и за рамками традиций постмодерна.

В этой ситуации проблематика «опыта» в гуманитарном знании, в частности, проблема соотношения «опыта искусства» и эстетического сознания, являются крайне важными вопросами, которые не до конца поняты и требуют еще своего осмысления. Разработка этих вопросов еще предстоит и видится как необходимая и острая проблема, которую отечественному полю гуманитарных наук еще предстоит решить. Особенно важным для современного исследователя является *осмысление* (хотя бы как *подступ* к изучению таких краеугольных понятий в теории истории Анкерсмица как «травма» и феномен ностальгии), однако это тема отдельного исследования.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 618 с.
2. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаев. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
3. Анкерсмит Ф. Р. Нарративная логика: семантический анализ языка историков / пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; под науч. ред. Л. Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
4. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. 400 с.
5. Олейников А. Исторический опыт – новый предмет теории [Электронный ресурс]. URL: <http://kogni.narod.ru/exper.htm> (дата обращения: 22.03.2015).
6. Плотников Н. С. Жизнь и история: философская программа Вильгельма Дильгея. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 226 с.
7. Резвых П. Опыт разрыва и событие любви (тезисы об «историческом опыте» Ф. Анкерсмица и «вечном прошлом» Ф. Шеллинга) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/92/re18.html> (дата обращения: 05.04.2015).
8. Хейзинга Й. Homo Ludens: статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.

PROBLEM OF “EXPERIENCE” IN THEORY OF HISTORY BY F. R. ANKERSMIT

Skvortsov Ivan Sergeevich
Moscow State Pedagogical University
ivan-skvor@yandex.ru

The article is devoted to the problematic field of artistic and historical experience – the cornerstone notion in the conception of intellectual empiricism by the Dutch historian and theorist of humanitarian thinking F. R. Ankersmit. The topicality of this theme is conditioned by the fact that currently there is increased interest in the study of the problems of empirical cognition in the humanities. The article formulates reasons for address to “intellectual empiricism”, considers the forms of historical experience and their cognitive potential, and conducts the comparative analysis of narrative and historical experience as “conductors” in the bygone reality of the past.

Key words and phrases: historical experience; subjective historical experience; Ankersmit; narrative history; modern historical knowledge.

УДК 327.7

Политология

В статье дается краткий анализ основных особенностей форм международного сотрудничества, предлагаемых Европейским союзом для региона Балтийского моря, с точки зрения их подхода к реализации проектной деятельности. Стратегия ЕС для региона Балтийского моря и Программа ЕС «Регион Балтийского моря 2007-2013» проанализированы по таким параметрам как подход к отбору проектов для поддержки, формы поддержки проектной деятельности, объемы финансирования с тем, чтобы дать ответ на вопрос, как они используют международную проектную деятельность в качестве инструмента сотрудничества. Делается вывод о субъектном потенциале указанных форм и предпочтительных для них результатах поддерживаемой проектной деятельности.

Ключевые слова и фразы: Балтийское море; сотрудничество; международные проекты; Стратегия ЕС для региона Балтийского моря; Программа ЕС «Регион Балтийского моря 2007-2013»; Европейский союз.

Сологуб Анастасия Петровна

Санкт-Петербургский государственный университет
anastasiasologub@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА К ПОДДЕРЖКЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЕКТОВ В РЕГИОНЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ[©]**

Регион Балтийского моря (РБМ) не раз назывался различными политическими лидерами и управленцами «модельным» или «пилотным» регионом, лабораторией сотрудничества [1; 2; 4]. Представляется, что именно на примере региона Балтийского моря особенно важно и в то же время удобно показывать все достоинства и недостатки тех или иных моделей регионального сотрудничества.

Несмотря на значительный объем литературы, посвященной вопросам сотрудничества в РБМ, практически не уделяется внимание вопросу о том, как на процессы в регионе влияет такой, ставший распространенным в последнее время формат международного взаимодействия, как проектная деятельность, и как те или иные акторы в регионе работают с этим эффективным инструментом развития. Мы можем начать восполнять этот пробел с исследования подходов к поддержке проектной деятельности со стороны Европейского союза.

Проектная деятельность редко ведется международной организацией или государственными органами власти непосредственно. Как правило, это поддержка проектной инициативы снизу. Тем не менее информация о том, как эта поддержка распределяется, условия, в которых принимаются решения об одобрении проектов к реализации, может дать нам много ценной пищи для размышлений. Представляется, что проектная деятельность региональных организаций – это способ конструирования региона сверху и снизу. Сверху межгосударственные структуры ограничивают спектр тем, в которых они заинтересованы, выдвигают условия и предлагают определенную поддержку. Снизу различные НПО, малый бизнес, местные, региональные власти выдвигают свои проектные идеи и реализуют их своими методами в соответствии с собственным видением развития тех приоритетов, которые представили верхи, а также уделяя больше или меньше внимания тому или иному приоритету в зависимости от предпочтений.

В рамках нашего исследования будут рассмотрены такие формы сотрудничества, как Программа ЕС «Регион Балтийского моря 2007-2013» (Программа РБМ 2007-2013) и Стратегия ЕС для региона Балтийского